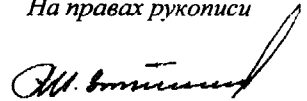

На правах рукописи

Зязиков Мурат Магометович

**ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ИНГУШЕЙ:
ИСТОКИ И ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Ростов-на-Дону - 2003 г

Работа выполнена на кафедре теории культуры, этики и эстетики факультета философии и культурологии Ростовского государственного университета

Научный руководитель - доктор философских наук, профессор
Баранец Александра Александровна

Официальные оппоненты - доктор философских наук, профессор
Давидович Всеволод Евгеньевич;

доктор филологических наук, профессор
Дахильгов Ибрагим Абдурахманович

Ведущая организация - Северо-Кавказский государственный
институт искусств

Защита состоится 4 сентября 2003 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д.212.208.11 при Ростовском государственном университете по адресу: 344038, г.Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13. ауд.427.

С диссертацией можно ознакомиться в зональной научной библиотеке Ростовского государственного университета по адресу: 344006, г.Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 148.

Автореферат разослан « 1 » августа 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Заковоротная М.В.

2003-А
12211

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Проведение данного исследования обусловлено важностью рассмотрения проблем культур народов России в настоящее время. Как известно, в Российской Федерации насчитывается около полутора сотен этносов, и каждый из них – своеобразный, уникальный мир, впитавший в себя мудрость тысячелетий. Грамотная национальная политика, основы которой начинают только формироваться в условиях демократического общества, по нашему мнению, заключается, прежде всего, в учете этнокультурной специфики того или иного народа.

Особое звучание приобретает этнокультурологический подход при рассмотрении различных вопросов, связанных с народами Кавказа. Кавказ – страна гор и «гора» народов – всегда отличался спецификой полиэтничности, поликультурности. Рассматриваемый в данной работе ингушский народ является значимым звеном в полиэтнической среде и социокультурной структуре Кавказа. Ингуши, проживающие в самом центре Кавказа и принадлежащие к восточно-кавказской группе кавказской семьи языков, испытали на себе немалое влияние грузин, западных кавказцев–адыгов, а также ираноязычных осетин. Поистине ингуши являются народом-«медиатором», впитавшим в себя специфику разных частей кавказской цивилизации и соединяющим их. Этим актуализируется важность данной работы для современного востоковедения, т.к. предлагаемый текст является практически одним из первых серьезных научных исследований в области ингушской культуры. Впервые за последние несколько десятков лет дается историческая панорама бытования культуры ингушского народа, поиски ее истоков, ее открытость различным внешним влияниям.

Выбор автором темы и ее важность в значительной степени обусловлены малым количеством исследовательских работ, посвященных самобытной культуре Республики Ингушетия, а также историческому контексту, в котором она формировалась. Известные годы депортации ингушей, восточного

летняя нивелировка их этнической самостоятельности, - все это сказалось в том, что по культуре, истории и языку на современном этапе почти отсутствуют академические исследования. Автор надеется, что его теоретическое исследование внесет свой вклад в развитие ингушской гуманитарной науки, обогатит фонд знаний об этнокультурной специфике Кавказа и конкретно об ингушах, а также, возможно, поможет решению некоторых конкретных проблем, стоящих сейчас перед Ингушетией.

Степень научной разработанности проблемы. Анализ литературы, посвященной ингушскому народу, показывает, что панорамных исследований, аналогичных данному, до настоящего момента практически не проводилось. Несмотря на то, что изучение кавказских народов и, в частности, ингушей, велось с конца XVIII века, учеными затрагивались преимущественно конкретные исторические и этнографические вопросы. Практически в комплексе не поднималась тема «традиционной ингушской культуры», культурного поля ингушского народа, во многом обуславливающего духовный мир каждого его представителя.

Первые описания Ингушетии относятся еще к XVIII веку, в XIX веке появилось множество работ по Кавказу в целом и по ингушам в частности. Часто эти работы носили военно-разведывательный, стратегический характер. Авторами их являлись А. Берже, И. Гюльденштедт, С. Броневский, Н. Грабовский, М. Джабагиев, Б. Далгат и некоторые другие.

Во второй половине XIX века появились первые просветители из народа, собиравшие крупницы старины, рассказывавшие популярным языком о жизни и культуре ингушей. Получив образование, в своей народной среде они становились учителями, обучали ингушей грамоте, помогали им выживать в условиях колониального гнета. Знаменитыми ингушскими учеными-просветителями являются Чах Ахриев, Асланбек Базоркин. После установления Советской власти в Ингушетии и Чечне их работам уделили большое внимание знаменитые этнографы и ориенталисты А. Генко, Г. Мартиросиан,

Л. Семенов, И. Щерблякин, Н. Яковлев, Е. Крупнов и многие другие. Их перу принадлежат очень важные для науки, описательные и высокоточные этнографические и лингвистические труды. 20-е годы характеризуются подъемом образования среди ингушей, в эти годы создают ингушская письменность, печать, ингушский театр и литература. К этому же времени относится и первоначальное зарождение местной науки. Так, например, З. Мальсагов уже в 1925 написал «Граматику ингушского языка». На волне всех этих изменений происходит резкий прирост научных знаний по ингушской культуре, всем сторонам жизни ингушского народа. Советским востоковедам 20-х годов принадлежат первые действительно научные работы по социокультурной структуре ингушей.

Открытый в 1934 году в Грозном Чечено-Ингушский институт, позднее преобразованный в пединститут, а затем университет, дал целый ряд специалистов по изучению ингушской культуры. Появились кадры археологов, историков, религиоведов, фольклористов и лингвистов – А. Адилсултанов, Ю. Айдаев, И. Алироев, Я. Ахмадов, М. Базоркин, И. Дахкильгов, Э. Исаев, З. Мадаева, Д. Мальсагов, А. Мальсагов, М. Мужухоев, А. Танкиев, С. Хасиев, Д. Чахкиев, и многие другие. Бережно собирались свидетельства древней истории ингушей и чеченцев.

Сказы, песни, народные предания - разнообразный фольклор - был неоднократно записан специалистами, а материалы опубликованы. Лингвисты Е. Бокарев, Ю. Дешериев, А. Мальсагов, Ф. Оздоева определили место ингушского языка в нахской подгруппе нахско-дагестанской группе северокавказской семьи языков, провели лингвистический анализ ингушского языка. А лингвист С. Старостин успешно реконструировал прото-нахский язык.

Сегодня в области изучения ингушской культуры плодотворно работают Х. Боков, А. Мальсагов, М. Мужухоев, Т. Муталиев, Ф. Оздоева, А. Танкиев, С. Хамчиев. Этому немало способствует НИИ им. Ч. Ахриева в Ингушетии.

Теоретико-методологическое обоснование

Автор опирается в своем исследовании на общенаучный системный подход, историко-культурный метод, представленный прежде всего принципами школы «Анналов» раннего периода, применяет герменевтические процедуры истолкования смысла культурных реалий, отделенных от нас веками. Неоднократны ссылки на археологию. В качестве источников рассматривались также исследования по этнологии, лингвистике, фольклористике.

Автор исходит из принципиального положения о том, что, не отвергая бытующего в исследовательской литературе общего названия «вайнахи», указывающего на историческую связь ингушского и чеченского народов, можно и необходимо говорить о культуре собственно ингушского этноса, который сложился в результате культурного самоопределения западнокавказских племенных образований.

Понятие «культура» используется в работе в его синтетическом смысле: как единство способов деятельности с ее материальными и культурными продуктами.

Традиционная культура понимается нами как антипод культуры инновационной: это тип культуры, основанный на передаче из поколения в поколение фиксированных способов действия и мироосмысления, ценностей и религиозно-этических установок.

Традиционная культура отличается устойчивым характером, консерватизмом в отношении новаций и берет свои истоки из архаической культуры охотников и собирателей.

В современной культурологии и, особенно, этнологии широко используется понятие традиционной культуры. Одни определения подчеркивают центральные константы традиционной культуры: ориентация на стабильность, устойчивость, достаточно высокий уровень развития земледелия и кочевого скотоводства, синкретизм, стереотипность мышления и поведения, целостность. Другие определения подчеркивают способы передачи традиционной культуры, которая имеет безавторское происхождение, воспринимает-

ся как искони существующая передается путем устной невербальной коммуникации; изменения, проистекающие медленно, не фиксируются этническим коллективным сознанием.

Следует подчеркнуть, что, являясь культурологическим исследованием, наша работа представляет одну из возможных точек зрения, одну из попыток интерпретации облика и истории ингушской культуры. Мы не отвергаем возможности иных трактовок, но готовы при необходимости вступить с ними в полемику, аргументируя собственные теоретические позиции.

Объектом исследования является ингушская культура.

Предметом исследования выступает историческое измерение ингушской культуры и ее традиционные черты.

Целью исследования является выяснение характерных черт традиционной ингушской культуры, а также ее исторических истоков.

Общая цель конкретизирована в следующих исследовательских задачах:

- представить ингушский народ неотъемлемой, характерной частью кавказского цивилизационного пространства, соотнести важнейшие традиции и обычаи ингушей с обычаями и традициями других народов кавказской цивилизации;

- проследить исторические основы возникновения и развития ингушской культуры, начиная со времени бронзового века, время, когда сложились условия для начала этногенеза прото-нахов и возникла традиционная культура ингушей;

- исследовать фактор религии в рамках общего концепта ингушской культуры и проанализировать мифические представления ингушей по интересующей нас проблематике;

- очертить круг традиционной этики ингушского народа, находящейся в рамках общекавказского этического пространства;

- выяснить особенности традиционной архитектуры ингушей.

Научная новизна диссертационного исследования определяется следующими положениями

- ингушский народ представлен неотъемлемой, характерной частью кавказского цивилизационного пространства, с самобытными обычаями и традициями, которые соотнесены с обычаями и традициями других народов кавказской цивилизации;
- прослежены исторические основы возникновения и развития ингушской культуры, начиная со времени бронзового века, когда сложились условия для начала этногенеза прото-нахов и стала развиваться традиционная культура ингушей;
- исследован фактор религии в рамках общего концепта ингушской культуры;
- очерчен круг традиционной этики ингушского народа, находящейся в рамках общекавказского этического пространства;
- выяснены особенности традиционной архитектуры ингушей и влияние культа камня на менталитет ингушского общества.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Культура и историческая судьба ингушского народа является выразительным примером этнического единства и различия народов, проживающих на Северном Кавказе и составляющих в целостности общность, которая может быть названа кавказской цивилизацией. Обладая собственным неповторимым «культурным лицом», ингуши, тем не менее, говорят на языке, принадлежащем к северо-кавказской группе, относящейся к обширной кавказской (или иберийско-кавказской) семье языков, они связаны с другими народами не только историческими контактами, но и общностью традиций, обычаев и ценностных установок (куначество, гостеприимство, почитание

старшего, кровная месть и др.) В то же время ингушский этнос в отличие от многих других выкристаллизовался настолько прочно, что в ингушском языке отсутствуют диалектные различия.

2. Строение традиционного ингушского общества уникально. Трудно найти в мире другое традиционное общество, анатомия которого сближалась бы с вайнахской. Тейповое устройство, характерное для вайнахов, не является родовым. При наличии родовых законов и родовых порядков ингушский тейп, тем не менее, не выступает кровнородственным объединением. Это скорее небольшое племя, социальная структура, объединенная одной целью. Группы племен (или структур) – тукхумы – образуют самостоятельные этно-территориальные институты внутри вайнахского социума. Кровнородственными являются такие уровни ингушского общества как «дезал» – малая многогамная семья, «цIа» – большая многогамная семья (ее глава, его сыновья и их семьи), «ваьр» – группа (два и более) близкородственных «цIа», «гар» – ветвь рода, «тайпа» – род (не всегда кровнородственное объединение), «наькъан» – крупное ответвление от рода, ставшее самостоятельным «тайпом»¹.

3. Вайнахское (ингушское) традиционное общество радикально отличается от других кавказских весьма слабо выраженными классовыми отношениями. Они отмечены в какой-то мере наличием сословной дифференциации, в относительном неравенстве тухумов, но четко не обособлены. Испокон веков у ингушей в почете были «бакхий нах» (старейшины), «баьчи» (старейшины-военачальники). Ни князей, ни дворян не существовало. Уникальность такого общественного развития заключается в том, что в ингушском обществе не развился феодализм в его характерных формах. По существу, ингушский социум сохранил первозданную военную демократию, архаический социальный тип, который имел место еще тысячелетия назад.

¹ В отечественной литературе данный термин встречается в двух транскрипциях: «тейп» или «тайп».

4. Историко-культурным своеобразием религиозного развития Ингушетии является динамическое взаимодействие различных религиозных систем (язычество, христианство, ислам). Так язычество было вытеснено «грузинским» христианством (X-XIV в.), а затем снова вернулось, впитав в себя христианские элементы (XIII в.). Впоследствии оно испытало на себе повторное христианское влияние Грузии (XVI-XVII вв.), а затем русское христианское воздействие, и, наконец, сменилось исламом, который является сейчас религией большинства верующих ингушей. В вайнахской языческой мифологии издревле присутствовал образ безличного бога Даэла как создателя, творца, управителя. Именно благодаря его безличной природе и отсутствию его изображений принятие ислама ингушским сознанием произошло относительно безболезненно.

5. Самобытная ингушская этика исторически выработала ряд концептов, близких к этическим концептам других народов Северного Кавказа. Традиционные ингушские ценности «эздел» благородное поведение, «яж» - стремление быть лучшим, «сий» - честь, «эхь» - стыд, «сага далар» - милосердие, «майрал» - храбрость, «денал» - смелость, «камаьршал» - щедрость, «къонахчал» - мужество, «сабар» - терпение и т.д. отражали специфику проживания в горах, требующую прежде всего храбрости и мужества, и были практическим руководством поведения, а их несоблюдение приводило к определенному отторжению человека обществом и наделяло его маргинальными характеристиками.

6. Общеизвестно, что характерным символом материальной культуры ингушей выступает башенная архитектура, с присущим только ей архитектурным стилем классических «вог». Башенное строительство характерно не только для Ингушетии, но и для многих народов Кавказа, у которых основным строительным материалом являлся камень. Культ камня был несомненно важным для архаического ингушского общества и нашел свое достойное

выражение в возведении жилых, полубоевых, классических боевых башен, а также в строительстве храмов, святилищ и усыпальниц, - основных факторах каменного зодчества традиционной культуры ингушей. Автор считает, что каменное зодчество уходит своими корнями в период северокавказского этнокультурного единства еще задолго до нашей эры, что создает определенные материально-экономические предпосылки для межкультурных коммуникаций (обмен мастерами-строителями, методами строительства, технологиями приготовления раствора, приемами выбора места для строительства башни и др.). Кроме того, культ камня, обладание камнем и умение с ним обращаться формирует у древних ингушей традиционные черты ментальности, которые сохранились до наших дней (твердость характера, уверенность, прочность клятвы, неразрывность семейных уз и проч.).

Теоретическая и практическая значимость работы.

Диссертационное исследование представляет интерес для широкого читательского круга – не только для историков, фольклористов, культурологов, философов, ориенталистов. Также работа привлечет внимание широкого круга читателей, которые смогут более полно ознакомиться с истоками и перипетиями ингушской культуры. Работа представляет комплексное отображение и исследование традиционной культуры и духовной жизни ингушского народа. Идеи, выявленные в ходе исследования, могут быть использованы в работах по культурологии, связанных с изучением Кавказа, использоваться в различных типах и методах анализа (ретроспективного, ситуационного, парадигмального, политического и других компаративистских методах), в разработке стратегии национально-государственного и политического строительства, также для ведения культурно-просветительской работы в Республике Ингушетия, в том числе и для чтения учебных курсов в ВУЗах.

Апробация работы – Результаты текущей и итоговой работы над темой были апробированы на международной научно-практической конферен-

ции «Строительство-2003» (Ростов-на-Дону, 2002), межрегиональной научно-практической конференции Южно-Российского гуманитарного института (Ростов-на-Дону, 2002), а также в повседневной публичной работе автора с населением республики Ингушетия и с многочисленными международными делегациями по линии ООН, ЮНЕСКО, «Врачи без границ», гуманитарными миссиями, на заседаниях Парламента Европы и проч. Кроме того, результаты итоговой работы над темой были неоднократно апробированы в текущей работе по субъектам РФ на Северном Кавказе, что нашло отражение в практике политического руководства на уровне Южного Федерального округа.

Структура работы

Работа состоит из введения, 2-х глав, включающих 7 параграфов, заключения, списка литературы и приложения. Объем работы – 157 страниц. Список литературы включает 181 наименование.

Основное содержание диссертации

Первая глава диссертационного исследования «Истоки, становление и развитие ингушской культуры» посвящена рассмотрению извилистого и долгого исторического пути ингушского народа с древнейших времен к современности. Она предваряется методологическим размышлением, показывающим, что автор опирается в своем исследовании на методологию школы «Анналов» прежде всего ее раннего периода. Автор раскрывает, какие именно принципы, выдвинутые М. Блоком и Л. Февром, он использует в своем анализе. Так подчеркивается, что представители «новой исторической науки» перестали рассматривать историю как описание деяний «сильных мира сего». «Анналь», концентрируют внимание на *истории масс и обыденной жизни людей*. Подобный подход весьма эффективен при рассмотрении культуры Ингушетии, так как у ингушского народа в принципе никогда не было князей и самовластных правителей. При всем желании невозможно было бы

описать истоки и развитие ингушской культуры через описания династий. Автор говорит также о том, что М.Блок и Л.Февр в отличие от марксизма обратили свой взор не на материально-экономические характеристики жизни масс, а на их *ментальность*. Эта методологическая установка также близка автору исследования. Первоначально даже был замысел назвать работу «Традиционная *духовная* культура ингушей», так как в центре внимания в диссертации находится ментальность ингушского народа: его верования, ценности, установки, духовная сторона его социальных воззрений и внутренний смысл архитектуры. Школа «Анналов» выдвинула и воплотила еще один важный историко-культурологический принцип: поиск за мельканием исторических фактов неких *глубинных оснований* данного социума, тех устойчивых структур, которые спаивают его воедино и позволяют проходить через годы и столетия, не теряя собственного индивидуального лица. Наличие таких структур – черта прежде всего традиционного общества (недаром представители «Анналов» изучали европейское Средневековье). Для выявления этих структур далеко не всегда можно опереться на источники «письменной истории» - летописи, исторические трактаты, мемуары, порой таковых попросту нет, поэтому приходится активно апеллировать к фольклору, археологическим данным, личной переписке, документам времени. Этот метод, считает автор, также пригоден для обращения к традиционной культуре ингушского народа. Тейповые отношения, куначество, отходничество и т.д. представляют собой традиционные структуры, воспринимаемые людьми как естественная норма и не служащие предметом рефлексии в обыденной жизни. Однако при изучении они обнаруживают себя как несущие конструкции этнической идентичности.

Автор руководствуется именно ранней версией концепции «Анналов», так как в 80-х годах XX века школа претерпела кризис: ее представители слишком увлеклись поиском глубинных малоподвижных структур и забыли о живом ходе исторического процесса. Диссертант же стремится реализовать указанные выше принципы, не забывая об истории, о ее текучести и измен-

чивости, о том, что в ее свершениях участвуют конкретные люди. Вот почему первое, с чего начинается работа – это вопрос о том, как исторически складывалась и формировала свою индивидуальность культура ингушского народа.

В первом параграфе «Становление ингушского этноса» говорится о том, что древнейшие предки ингушей изошли из синокавказской протообщности до-неолитического времени, в которую входили предки современных кавказцев, китайцев, тибетцев, енисейских кетов, басков, буришков и индейцев на-дене. Эта древнейшая этнокультурная общность, локализуемая исследователями на Ближнем Востоке и прилегающих к нему районах, распалась около 11 тыс. лет назад. Из нее выделилась северокавказская общность, объединявшая племена, впоследствии ставшие абхазами, адыгами, нахами, дагестанцами – коренными насельниками Кавказа.

Дивергенция в этом единстве произошла около 5 тысячелетия до н.э. Через некоторое время ближневосточные племена, говорящие на кавказских наречиях, начинают проникать на Северный Кавказ с двух сторон – с запада по Черноморскому побережью (абхазо-адыги, майкопская археологическая культура) и с востока через Дербентский проход (нахо-дагестанцы, куро-араксская культура). Две волны ближневосточных земледельцев соединились на территории нынешней Ингушетии.

В конце 2 – начале 1 тысячелетия до н.э. в горах Осетии и Ингушетии расцветает кобанская археологическая культура. Она отличается развитой металлургией, обработкой железа, оригинальными орнаментами с изображениями животных и людей. Любопытно, что многие моменты творчества кобанцев четко отражаются в нартском эпосе современных народов Северного Кавказа, в их материальной культуре – узорах и т.д. Учеными высказывается предположение о значительной роли прото-нахского этнического элемента в становлении кобанской культуры.

Автор показывает, что другим центром формирования прото-нахов послужил ареал каякентско-харачоевской археологической культуры приблизи-

тельно того же времени, локализующийся в Западном Дагестане и Восточной Чечне.

Отмечается, что вплоть до начала нашей эры в вайнахских памятниках обнаруживается немалое сходство с артефактами Ближнего Востока – Закавказья и Верхней Месопотамии. Это указывает на прочные контакты нахских племен с близкородственными им хурритами, урартами и другими народами Древнего Востока.

По данным лингвистики, обособление нахского (чечено-ингушского) прото-языка от дагестанских наречий произошло около 4 тысяч лет назад. И сегодня в нахских языках много сходств с аварским, лакским, лезгинским и языками других народов Дагестана.

В древнегреческих и древнеримских источниках сохранились упоминания о кавказских племенах аккисов, исадигов, аргов, хамекитов, троглодитов – возможных предках ингушского народа. Они локализовывались древними авторами в горных и плоскостных районах Центрального и Восточного Кавказа.

Жизнь нахов проходила в постоянной внутренней борьбе, а также в сопротивлении степным кочевникам, оттеснявшим вайнахов высоко в горы Чечни и Ингушетии. В условиях перманентных войн вайнахам – чеченцам и ингушам - удалось сохранить свою самобытную культуру и преумножить ее достижения.

Во *втором параграфе «Ингушетия и ингуши в XVIII – XX веках»* исследуется историческое прошлое ингушского народа в свете его контактов с Россией. Несомненно, вайнахо-русские контакты имели место эпизодически еще во времена Киевской Руси. В 1567 году аккинцы (одно из подразделений чеченских горцев) под предводительством Ших-Мурзы приняли российское подданство и вскоре переселились на плоскость.

Регулярные контакты ингушей с Российским государством начались в XVIII веке. При поддержке российских властей ингуши стали спускаться с неплодородных, каменистых и малоземельных гор на плодородную равнину,

где в 1781 году была основана Назрань. Это сыграло большую роль в истории Ингушетии – жизнь на плоскости позволила укрепить хозяйство, а также вступить в более тесные отношения не только с Россией и русскими, казаками, но и с другими народами Северного Кавказа. В 1810 году ингушский народ присягнул на верность России.

Кавказская война практически не затронула Ингушетию, что позволило сохраниться уникальным башням, солнечным могильникам, храмам и другим древним памятникам вайнахской культуры, уничтоженным в Чечне. Однако в это время российская администрация соорудила на территории плоскостной Ингушетии Сунженскую казачью линию, снова оттеснив ингушское население в горные районы.

Жизнь ингушей, как и других народов Российской империи, была тяжелой. Практически отсутствовало образование, здравоохранение. В этих условиях из немногих образованных ингушей выделились люди, изучавшие культуру своего народа, отстаивавшие его права – просветители. Наиболее известным просветителем Ингушетии был Чах Ахриев из Фуртоуга.

Во время Гражданской войны ингуши практически единодушно выступили на стороне Красной армии, поддержали большевиков. Они значительно облегчили установление Советской власти на Северном Кавказе.

Автор утверждает, что советский период стал заметной вехой в истории Ингушетии. У ингушского народа появились письменность, литература и литературный язык, высшее образование, театр, искусство, музыка и т.д. Ингуши получили национальную автономию – Ингушскую автономную область. В 1934 году Ингушская АО была объединена с Чеченской АО в Чечено-Ингушскую АССР в составе РСФСР.

В 1944-1957 годах ингушский народ подвергся трагической депортации, принесшей ему немало невзгод.

В 1992 году ингушская автономия была воссоздана в виде Республики Ингушетия в составе Российской Федерации. Был подписан федеративный договор.

Вхождение в состав России приобщило ингушский народ к мировой культуре и в то же время создало все возможности для сохранения и изучения его собственной уникальной культуры и истории как в пределах Республики Ингушетия, так и во всей России.

Третий параграф «Ингушский народ – часть кавказской цивилизации» повествует об общем культурном поле, обрамляющем ингушскую культуру – кавказской цивилизации. В последнее время это понятие стало чаще появляться в научной и публицистической литературе. Историко-культурная и философская проблематика кавказской цивилизации разработана достаточно слабо.

Давно подмечено, что народы Кавказа объединяет не только место их проживания - Кавказ, но и многочисленные проявления их духовного единства. Автор говорит о том, что корни ингушской культуры как таковой неизбежно уходят в общекавказский пласт, для ингушей общий не только с чеченцами, но и со всеми другими этносами, населяющими Кавказ. Несомненно, ингушский народ является носителем общекавказского, единого цивилизационно-культурного поля.

Этнологический взгляд позволяет выделить ряд чисто этнографических моментов, в единой форме присутствующих у народов Кавказа, отстоящих друг от друга на немалое расстояние (абхазы - вайнахи, адыги - грузины и др.). Следует также добавить, что в языковом отношении эти этнические группы не родственны вовсе или находятся в очень далеком родстве, практически не контактировали. Ряд сходств продолжается и в области народной культуры – сказок, преданий, народной языческой мифологии (одинаковые мифологические образы у причерноморских адыгов и горных вайнахов и т.д.)

Автор демонстрирует единство менталитета народов Кавказа, их ценностных установок, адатов, народной этики. К примеру, во всех районах Северного и Южного Кавказа присутствуют такие незыблемые морально-ценностные установки как геронтократия (почитание и уважение стариков, старших, строгая иерархия «старший-младший», делегация старшим всех

возможных полномочий); бытование стройной системы этических концептов, конституирующих этническое самосознание; феномен «куначества» («побратимства») в другой этнической среде; свято почитаемое кавказское гостеприимство, уходящее своими корнями в далекие времена; большое значение и центральное положение понятий «мужества», «доблести»; культ оружия; отмечаемая повсюду межнациональная толерантность, способствующая размыванию этнически гомогенной среды, но в то же время сохранение последней за счет традиционализма кавказского общества, тесных родственных связей, социальной сплоченности.

Автор не может не указать, что истоки такого культурного типа необходимо искать в эпохе общесеверокавказского единства, которое датируется VIII-V тысячелетиями до н.э. (неолитом). Это доказывается и глубиной этнографических сходжений, и близостью мифологических построений наряду с отсутствием прямых контактов между этносами, и тотальным совпадением духовно-ценностных ориентиров в разных регионах Кавказа.

Ингушский народ – неотъемлемая часть кавказского цивилизационного мира, находящаяся на стыке Западного и Восточного Кавказа и в культурно-историческом отношении соединяющая абхазо-адыгский запад Кавказа, нахско-дагестанский восток его и Закавказье.

Вторая глава «Характерные черты традиционной культуры ингушей» посвящена раскрытию традиционных религиозных и этических воззрений ингушского народа, специфике традиционного вайнахского общества и духовному содержанию традиционной архитектуры.

Первый параграф второй главы «Религия и мировоззрение ингушей» повествует об эволюции и характере религиозных представлений ингушей со времен средневековья и по сей день. Как известно, сегодня ингуши исповедуют ислам суннитского толка ханафитского мазхаба кадирийского тариката, среди них отмечаются вирды чеченских шейхов Кунта-Хаджи Кишиева, Дени Арсанова и др. Однако в ингушской культуре имеется мощный домусульманский пласт, уходящий своими корнями в период язычества, длив-

шийся в Ингушетии практически до середины XIX века. Ингуши одними из последних на Кавказе приняли ислам, до этого они исповедовали систему автохтонных верований – вайнахское язычество.

Язычество ингушей и чеченцев в том виде, в каком оно задокументировано в источниках, не может быть понято без влияния христианства. Христианская религия проникала на Северный Кавказ весь период средневековья из Грузии. Христианизацией северо-кавказцев грузинские правители желали укрепить границы Грузии по Главному Кавказскому хребту и по возможности пресечь набеги горцев.

Грузинским царям в X–XIV веках удалось утвердить христианство не только среди вайнахов, но и у аварцев, андийцев, лакцев, цахуров, лезгин. Однако на Северном Кавказе и в Дагестане христианская религия была принята поверхностно и вскоре забылась. От христианской эпохи в Ингушетии остались храмы, построенные грузинскими зодчими. Они являются уникальными памятниками архитектуры и несут большую ценность для мировой культуры.

Языческий пантеон ингушей подвергся немалому влиянию со стороны христианской монотеистической религии. Так, в ингушском язычестве имеется «главный» бог, творец, создатель всего сущего Дяла (Даьла), управляющий всеми другими божествами. Этимология слова Даьла неясна, возможно это древнейшее индоевропейское заимствование.

В культах нахских язычников большую роль играл бог-громовержец Села. В честь него устраивались ритуальные пляски, он мыслился ближайшим помощником Даьла. Одна из принципиальных фигур нахского автохтонного пантеона – богиня плодородия Тушоли. Истоки ее культа очевидно уходят в культы кавказоязычных народов Древнего Востока – хурритов, урартов и др. (аналог. хурр. Тешуб, урарт. Тейшеб). В честь Тушоли воздвигались фаллические памятники, женские скульптуры, символизирующие плодородие. Возле них молились об урожае, плодородии скота и успешном продолжении собственного рода. Распространен в горах Ингушетии был и

культ «ерды» – святых. В каждом селении имелся собственный ерды, поклонение которому осуществлялось в специальных святилищах на краю поселка.

Вайнахское язычество разработало свою картину мира, который делился на «солнечный» и «лунный», мир имел 14 уровней бытия. С нахскими верованиями связаны и моральные концепты – «дуюнен фярал» («мировая благодать») и т.д. Практически все ингушские легенды, сказки, сказания и собственно ингушский менталитет имеют языческую подоплеку и конституируются на основных установках нахских автохтонных верований.

Во втором параграфе «Ингушская традиционная этика» автор рассматривает и исследует феномен ингушских традиционных этических представлений. В научной литературе тема ингушской традиционной этики разработана достаточно слабо.

Изучая феномен ингушской этики, невозможно абстрагироваться от образа жизни вайнахов в древние времена, когда происходил генезис этических институтов. Напротив, бытовые условия сыграли важнейшую роль в становлении и развитии этических представлений ингушского народа. Автор считает, что трудные условия жизни, постоянные опасности, малое количество пахотной земли вынуждали ингушей и вообще вайнахов к «суровому» видению мира.

Одним из принципиальных моментов нахской этики можно, по мнению автора, назвать принцип «яхь» – принцип соревновательности, стремления улучшить свои достижения. Человек, обладающий «яхь», должен стремиться быть первым во всем, всегда побеждать. «Яхь» – значительный элемент самоидентификации ингуша, подразумевающий еще и самоуважение. Можно утверждать, что идея древнегреческого агона, агональности как важнейшей черты существовала не только в античной Европе, но и в древней Ингушетии.

Многие концепты традиционной этики ингушей автор отражает и в параграфе 3 главы 1, где рассматриваются в том числе морально-этические установки, характерные для кавказской цивилизации. Важными категориями

ингушской этики служит «майрал», «кьопахчал» (храбрость, мужество). Эти качества были жизненно необходимы древним нахам в ходе преодоления суровых природных условий, частым войнам и угрозам со стороны. «Мужество» - неотъемлемая черта героев ингушских сказок, легенд, преданий.

Вайнахский адат – обычное право – также базировался на этических принципах. Автор выделяет феномен кровной мести как неотъемлемый атрибут нахского обычного права. Порядок совершения кровной мести являлся достаточно сложным. Если кровный враг не был убит, не только он лично, но и все его родственники облагались различными налогами в пользу потерпевших. Так, в качестве одной из форм промежуточного обязательного выкупа брату убийцы необходимо было уплатить 10 коров, двоюродному брату – 9 коров, троюродному – 8 и так вплоть до десятиродного брата, внесившего 1 корову. Система компенсаций пострадавшим предполагала уплату «отступного» - 12 коров за снятие блокады с дома убийцы, большие выкупы тканями, скотом и т.д. Убийца мог и вымолить себе прощение путем унижительной процедуры самобичевания и уплаты объемных выкупов.

Ингушская традиционная этика конституировала менталитет ингушского народа, сформировала его основные морально-ценностные установки, наделила ингушей развитыми духовными концептами, свидетельствующими о высокой степени развития ингушского общества.

Третий параграф «Устройство вайнахского общества» целиком посвящен традиционному устройству вайнахского социума. Он радикально отличается от всех других кавказских обществ своим строением. Как известно, у нахов – ингушей и чеченцев – никогда не существовало аристократии и вообще знати как таковой. Однако некоторые тейпы считались «благороднее» иных. Это были тейпы сильные прежде всего в экономическом и военном отношении. «Знатные» тейпы проживали в «престижных» селениях на наиболее удобных и плодородных землях. Существовали прецеденты угнетения членов более слабых и бедных тейпов со стороны представителей сильных.

У нахов существуют легенды о былом бытовании в их среде аристократов, правителей, князей. По данным сказаний, это были аварские ханы Турловы, приглашенные к вайнахам в смутное время их истории, во время междоусобицы. Как только межтейповые отношения достаточно наладились, Турловы потеряли свою власть, переместились в Надтеречную Чечню, а затем и вовсе покинули нахские земли.

Тем не менее практически все в нахском обществе были равны, по преданию, когда вайнаха спросили имеются ли в Ингушетии уздени, он ответил: «Мы все уздени». Нахское общество зиждется на тейповой системе. Тейп – группа свободных земледельцев-горцев численностью от нескольких тысяч человек до 100 тысяч. (Беной). Тейп – не кровнородственное образование, внутри него разрешается заключать браки. Группа близкородственных тейпов, объединившаяся на основе территориальной близости и общих внешних военно-стратегических задач, называется тукхум. В Чечне насчитывается по разным оценкам от 9 до 12 тукхумов (Нохчамахкхой, Эрштхой, Маьлхий, Ч1аьнтий, Ч1аберлой, Аьккхий, Шатой, Шарой, Пешхой, Нашхой, М1айстой, Т1ерлой) и 150-200 тейпов, ингушей же некоторые исследователи считают одним тукхумом. Ингушских тейпов сейчас около 20. Тейп – реальный социо-политический субъект как в Ингушетии, так и в Чечне. Его возглавляют опытные старейшины – «боаккхий нах». Тейп ведет самостоятельную внешнюю политику, предстает единым социально-политическим образованием. Члены одного тейпа должны помогать друг другу.

Тейп делится на более малочисленные кровнородственные образования – роды (ингуш. «ваьр», чечен. «гар»). Брак между представителями одного рода адатом запрещен. Внутри рода существуют большие семьи – «ц1а» и малые – «дезал». Существуют и отделившиеся от тейпов крупные ветви – «наькъан». Их иногда приравнивают к тейпам.

Формирование современных тейпов и тукхумов началось по некоторым оценкам – 300-400 лет назад, а по другим – еще тысячелетия назад. Так, Геродот повествует о неких «аккисах», могущих быть предками современных

чеченцев-аккинцев и т.п. Автор считает, что рассмотрение возраста тейпа должно быть связано с конкретно-историческими условиями.

В четвертом параграфе «Традиционная архитектура ингушей» анализируется башенное строительство вайнахов–ингушей как неотъемлемая часть их материальной и духовной культуры. Очевидно, башни и подобные башенным дома строились в нахских горах тысячелетия назад – археологи иногда обнаруживают остатки циклопических каменных построек, датируемых I тысячелетием до н.э. – I тысячелетием н.э. По крайней мере, фундаментальные традиции каменного зодчества ингушей уходят именно в ту эпоху.

Башенные постройки являются традиционным типом жилища вайнахов. До сих пор в горах Ингушетии высятся каменные башни многовековой давности. Постоянное взаимодействие с камнем башен породило соответствующую культурную, мифологическую и религиозную атрибутику, связанную с поклонением камню и представлением о камне как плодотворном начале.

Башенные строения располагаются не только в Ингушетии, они имеются также и в Чечне, Дагестане, Осетии, Балкарии, Карачае, Хевсуретии, Тушетии, Сванетии и т.д. – практически по всему Кавказу. Однако именно в Ингушетии башенное зодчество достигло самых значительных высот. Башни делились на три вида: жилые – невысокие и широкие – «гала», полужилые-полубоевые, и, наконец, боевые – «влов» - высокие, стройные башни с бойницами, высотой до 30 м. Старинные ингушские и чеченские поселки представляют собой именно башенные комплексы.

Строительство башен началось приблизительно в Средние века – XII–XIV вв. Это было сопряжено с татаро-монгольскими нашествиями, назревшая необходимость обороны родных ущелий заставила нахов приступить к постройке башен. Внутри башен лестниц не существовало, подъем наверх можно было осуществить лишь снаружи по приставной лестнице. На вершине башни воздвигался символический камень – «цлурку», только после уста-

новления которого строительство считалось окончанным. За опасное для жизни мастера установление «ц1урку» ему полагалось уплатить быка.

Ингушские башни постепенно сужаются в сводах по мере увеличения высоты. Этот тонкий архитектурный ход достигался благодаря умению мастеров-строителей сокращать толщину кладки по мере продвижения к крыше. Это позволяло сохранять объем жилого помещения, но в то же время придавало более успешные тактические характеристики бойницам при отражении атаки извне.

В Ингушетии проживали известные по всему Кавказу архитекторы-строители башен. Зачастую этим ремеслом занимались целые тейпы – Ахриевы, Баркинхоевы, Льяновы, Цуровы, Яндиевы и т.п. Они получали хорошую плату за свою мастерскую работу, их также приглашали для постройки башен в Сванетию, Чечню, Осетию.

Башни как жилые так и боевые украшались петроглифами – рисунками, узорами, изображениями на камнях. Стены же боевых башен, очевидно, не без влияния христианства, покрывались декоративными крестами-«голгофами». Башенные поселки повсюду распространены в Ингушетии, они, как и древние традиционные святилища-«элгыцы» представляют собой большой интерес для исследователя истории и культуры Северного Кавказа.

В **Заключении** диссертации подводятся основные итоги проведенного исследования и намечаются дальнейшие перспективы теоретической разработки проблемы.

Основные публикации по теме исследования:

1. Зязиков М.М. Ингушская традиционная этика (статья) // Гуманитарность. Коммуникации. Толерантность. – Ростов-на-Дону, 2003. - Т.1. (0,5 п.л.).
2. Зязиков М.М. Исторические корни ингушской культуры (тезисы) // Строительство-2003 (материалы международной научно-практической конференции). - Ростов–на-Дону, 2003. (0,1п.л.).
3. Зязиков М.М. Традиционное общественное устройство ингушей: культурологический анализ (статья) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. - 2003. - № 7. (0,7 п.л.).
4. Зязиков М.М. Ингушский народ – часть кавказской цивилизации // Научная мысль Кавказа (статья). - 2003. - Приложение №7. (0,4 п.л.).

Сдано в набор 7.06.2003 г. Подписано в печать 10.06 2003 г.
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Формат 60x84 1/16.
Тираж 100 экз. Заказ № 984.

Отпечатано ООО «Антей».
344037, г Ростов-на-Дону, 24 линия, 20.

2003-A

12211

• 12211